

УДК 911.7

DOI: 10.17072/2079-7877-2020-2-75-90

ГРАНИЦЫ, СОСЕДИ И СОСЕДСТВО В ЖИЗНИ МАЛЫХ ГОРОДОВ НА РОССИЙСКИХ ГРАНИЦАХ

Мария Владимировна Зотова

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>, Researcher ID: F-9654-2016,

SPIN-код: 7643-6349

e-mail: zotova@igras.ru

Институт географии РАН, Москва

Антон Алексеевич Гриценко

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>, Researcher ID: F-6873-2011,

SPIN-код: 8638-5851

e-mail: antgritsenko@igras.ru

Институт географии РАН, Москва

Режим государственных границ, характер соседства и приграничные взаимодействия открывают возможности и создают ограничения для повседневной жизни людей, оказывая заметное влияние на их благополучие. В статье анализируются социальные функции границ и соседства на примере небольших периферийных городов, расположенных на трех разных участках российской границы: Армянска и Джанкоя – на новой непризнанной мировым сообществом границе с Украиной; Троица – на постсоветской интеграционной границе с Казахстаном; Забайкальска – на старой международной границе с Китаем. На основе проведенных экспертных интервью, полевых наблюдений и фокус-групп изучается отношение местного населения к соседям и соседнему государству, самой границе и ее режиму, их влияние на локальное развитие и повседневную жизнь. Исследование показало, что жители приграничных городов разделяют отношение к соседнему государству как к «государству и власти», к которому они испытывают преимущественно негативные чувства, и как к «стране и людям», чувства к которым преимущественно позитивны, благодаря регулярным трансграничным практикам и личному опыту взаимодействий с соседями. Также были выявлены различия в представлениях людей о соотношении и значении контактных и барьерных функций российской границы, отражающих различия в соседстве и взаимоотношениях России с сопредельными странами. В заключение авторы приходят к выводу, что субъективное восприятие людей делает рассмотренные приграничные ситуации очень схожими, поскольку создаваемые границей проблемы воспринимаются местными жителями второстепенными в условиях усиливающейся стагнации городского развития.

Ключевые слова: приграничные практики, пограничье, малые города на границе, российские приграничные регионы, соседство, восприятие соседей, повседневная жизнь.

BORDERS, NEIGHBORS, AND NEIGHBORHOOD IN THE LIFE OF SMALL RUSSIAN BORDER TOWNS

Maria V. Zotova

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>, Researcher ID: F-9654-2016,

SPIN-code: 7643-6349

e-mail: zotova@igras.ru

Institute of Geography RAS, Moscow

Экономическая, социальная и политическая география
Зотова М.В., Гриценко А.А.

Anton A. Gritsenko

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>, Researcher ID: F-6873-2011,

SPIN-code: 8638-5851

e-mail: antgritsenko@igras.ru

Institute of Geography RAS, Moscow

Neighborhood and border interactions have a significant impact on localities situated on the state borders, turning them into contact zones where the spaces of two neighboring states face each other at the grass-roots level, creating various challenges for people and their well-being. This article analyzes and compares the social functions of neighborhood and borders through the example of several small peripheral towns located on different sections of the Russian border: Armyansk and Dzhanikoy – on the new contested border with Ukraine; Troitsk – on the integration border with Kazakhstan; Zabaikalsk – on the old border with China. Based on interviews with local experts, field observations and focus groups with the most representative members of the local communities, we studied the attitude of residents of the four border towns to their neighbors and neighboring states, local development, border, its regime, contact and barrier functions, and their impact on everyday life. The study showed that the local communities distinguish between the attitude to the neighboring state as to ‘a state and government’ and as to ‘a country and people’. Concerning the first category, people expressed mostly negative emotions, while feelings for the second category were mostly positive, which is due to regular interactions and personal experience. We also found differences in people's perceptions of the relationship and significance of the contact and barrier functions of the Russian border, reflecting differences in the neighborhood and relations between Russia and neighboring countries. In conclusion, our results suggest that the subjective feelings of people make the considered border situations similar since the problems created by the border are perceived by local residents as secondary against the increasing peripherization.

Key words: border practices, borderland, small border towns, Russian border regions, neighborhood, perception of neighbors, everyday life.

Введение

В последние десятилетия государственные границы находятся в фокусе пристального внимания научного сообщества. Первое время исследования ученых были сосредоточены преимущественно на изучении трансграничных взаимодействий, приграничного сотрудничества, направлений и динамики потоков людей, товаров, идей и информации. Затем произошел переход от изучения границ как таковых к рассмотрению процессов разграничения и разделения [9; 15]. Другими словами, внимание исследователей сместилось с территориальных на социальные и политические функции границ. Несмотря на этот сдвиг, приграничье как зона контакта и интенсивных международных обменов, где происходят социальные и политические столкновения и противоречия, а также взаимосвязанные трансформации, остается ключевым локусом для исследования многомерных и полимасштабных пограничных процессов и явлений. Сегодня интерес к приграничным территориям преимущественно связан с изучением (ре)структурирования социального и политического пространств, формирования идентичности людей и их повседневной жизни под влиянием многочисленных границ, создаваемых различными субъектами. Он также связан с поиском ответов на ряд фундаментальных вопросов, поднятых в различных аспектах еще Ф. Бартом, Г. Зиммелем, Б. Андерсоном и др.: как соотносятся между собой социальные и политические границы, какую роль они играют в нашей жизни, деятельности и социально-политических отношениях?

В пограничных исследованиях используется ряд концепций для описания и объяснения трансграничных взаимодействий и отношений людей. Так, с помощью концепций «близости» (proximity) и «дистанции» (distance) изучают процессы формирования и изменения

социальных связей, солидарности и идентичности под влиянием взаимодействий через границу [21]. По мнению ряда ученых, социальные и культурные контакты могут развивать чувство близости и доверия, способствуя установлению отношений [12]. Когда же культурные различия слишком велики, восприятие другого происходит исключительно в рамках имеющихся представлений и стереотипов, создающих дискомфорт и трудности во взаимодействиях и отношениях [20].

Для лучшего понимания трансграничной мобильности голландскими учеными была предложена концепция «знакомости» или «привычности» (familiarity) [22]. Она предполагает, что функциональные, физические и социокультурные контрасты на границах усиливают трансграничную мобильность населения. В зависимости от того, как люди воспринимают различия между странами, они либо остаются дома, либо пересекают границу [18]. С одной стороны, различия между территориями, уникальность и незнакомость чужих мест способствуют пересечению границ с различными целями (туризм, досуг, шопинг и т.д.) [22], а отсутствие значимых различий и исчезновение «непривычности» зарубежных мест снижает их привлекательность для посетителей. С другой стороны, слишком большие социокультурные различия провоцируют возникновение ментальных границ, ограничивающих трансграничные взаимодействия [12]. Более того, одно и то же место воспринимается индивидами при первом и последующих посещениях по-разному. Люди, незнакомые с местом, для их описания используют в основном оценочные суждения, основанные на знаниях, имеющихся представлениях и стереотипах, в то время как те, кто знаком с местом, обращаются к личному опыту и своим эмоционально нагруженным образам [8]. Следовательно, концепция «знакомости» позволяет глубже понять влияние опыта и знаний, полученных в ходе регулярных практик между соседними территориями, на отношения и поведение в приграничье [19].

Другой не менее востребованной является концепция «доверия». Ее используют, например, при изучении развития транснациональных отношений и взаимодействий, поскольку социальный капитал является важным элементом сетевого взаимодействия и региональной интеграции [13]. Доверие между соседями особенно необходимо для установления и поддержания неформальных связей. В случае возникновения разногласий оно способствует снижению напряженности и поиску путей для их преодоления. Исследования показывают (например, [16]), что социальная интеграция в приграничье происходит быстрее между соседями с более высоким уровнем доверия. Оно нередко формируется благодаря единому языковому и институциональному пространству. Люди, совместно проживавшие в течение длительного времени и разделяющие общие ценности, язык и идентичность, очевидно, легче взаимодействуют и понимают друг друга. Повышению уровня доверия и облегчению взаимодействий также может способствовать сходство физического окружения и повседневной жизни.

Еще одна теоретическая конструкция, предложенная польскими учеными [10], основана на концепции социальной дифференциации Георга Зиммеля и дихотомии «свой» (insiders) и «иные» (outsiders) с разделением последних на «чужих» и «других». Если «чужой» воспринимается как потенциально опасный, представляющий угрозу ценностям человека, то «другой» – это тот, кого не до конца понимают, кто не рассматривается как «свой» и, таким образом, не входит в круг близких [14]. В процессе структурирования социального мира «инаковость» может превратиться в «чуждость». Восприятие индивидов и групп как «других», непохожих или отличающихся, не обязательно провоцирует развитие какой-либо формы «чуждости», если оно ограничивается изложением фактов и не связано с оценкой. Осознание непохожести превращается в «чуждость» только тогда, когда воспринимаемые различия сочетаются с негативными эмоциями и установками.

Разнообразие концепций и исследований, однако, не проясняет значения территориальных и геополитических факторов для трансграничных практик и низовых отношений, восприятия соседей, оставляет без внимания тот кумулятивный эффект, который они оказывают вместе с социокультурными, мягкими факторами взаимодействий через границы на локальное развитие и жизненные стратегии населения. Между тем известно, что столкновение интересов соседствующих государств и жителей приграничных территорий часто приводит к неоднозначности процессов, происходящих на границе [1]. Кроме того, очевидно, что разные границы и режимы создают различные вызовы для людей, их благополучия и возможностей приграничной деятельности.

Цель статьи – восполнить этот заметный пробел в исследованиях путем анализа и сравнения социальной функции границ и соседства на примере нескольких небольших периферийных городов, расположенных на трех разных участках российской границы. Мы также включаем в исследование понятие «соседства», которое рассматриваем через призму территориальных контрастов и различий наряду с геополитическими представлениями, формируемыми сверху и снизу [17].

Выбор исследовательских ключей

Для изучения роли геополитических и позиционных составляющих соседства в трансграничных практиках, представлениях и жизненных стратегиях местного населения мы выбрали российские города, имеющие схожие социально-экономические условия и проблемы развития и расположенные на трех участках российской границы, которые различаются по возрасту и происхождению, режиму и степени контрастности. Первый участок – это новая конфликтная граница в Северном Крыму, оспариваемая Украиной и непризнанная международным сообществом, появившаяся после присоединения Крыма к России в 2014 г. и характеризующаяся высокой барьерностью. Второй участок – это внутренняя граница Евразийского экономического союза (ЕАЭС) между Россией и Казахстаном, которая до распада СССР была административной и полностью открытой, связывая воедино разные территории единого государства. Сейчас она одна из немногих границ на постсоветском пространстве, которую граждане могут пересекать по внутренним паспортам и где отсутствует таможенный контроль. Наконец, третий участок – это «старая» международная граница между Россией и Китаем, которая в советское время была сильно милитаризована и закрыта. К сегодняшнему дню ее барьерность значительно снизилась, а степень контрастности, наоборот, сильно возросла. Российско-китайская граница разделяет не только несхожие культурные миры и уклады жизни, но и разные в социально-экономическом отношении территории.

На этих участках в непосредственной близости от границы были выбраны четыре небольших города, которые имеют определенную специфику социально-экономического и историко-культурного развития, в том числе определяющую особенности трансграничных взаимодействий. Два города находятся в Северном Крыму: Армянск (численностью 22 тыс. чел., расположенный в 5 км от границы с Украиной) и Джанкой (численностью 39 тыс. чел., расположенный в 40 км от границы). Армянск – монопромышленный город, где почти половина местного населения занята на крупном градообразующем химическом предприятии «Крымский Титан». Джанкой – бывший крупный транспортный узел на железнодорожной и автомобильной магистралях, соединяющих Крым с Украиной и Россией. В результате постепенной деградации промышленных предприятий Джанкой превратился в центр торговли и услуг. События 2014 г. существенно изменили положение этих двух городов: Джанкойский транспортный узел превратился в транспортный тупик, а «Крымский титан» начал испытывать перебои в поставках сырья и был вынужден начать сокращение штата сотрудников.

Третьим объектом исследования стал город Троицк численностью 75 тыс. чел., расположенный в 11 км от границы с Казахстаном. Как и сама граница, город несколько раз

менял свои территориальные функции. Долгое время он был процветающим торговым и культурным центром на маршрутах между Россией, Китаем и Средней Азией. В XIX в. Троицк стал жемчужиной архитектуры Южного Урала благодаря строительству многочисленных общественных зданий, банков и торговых домов в стиле провинциального модерна и псевдорусского стиля. В советское время город получил интенсивное промышленное развитие, имел тесные производственные связи с Казахстаном, стал ключевым центром «целинной кампании». После распада СССР 8 из 12 крупных предприятий закрылись, а город оказался на государственной границе, этнокультурные контрасты которой постепенно росли. Процессы демаркации границ были запущены только в 2010-е гг. параллельно с реализацией евразийских интеграционных инициатив. Город сегодня характеризуется экономическим спадом, а также заметной миграционной убылью.

Наконец, Забайкальск – небольшой город (формально поселок городского типа) численностью 13 тыс. чел., расположенный в 5 км от границы с Китаем. Он был основан в начале XX в. как железнодорожная станция на линии КВЖД, которая в 1929 г. получила символическое название «Отпор». Долгое время поселок был военным пограничным форпостом. В 1958 г. по просьбе китайского правительства станция Отпор была переименована в Забайкальск, а поселок стал районным центром. Изменение политической ситуации в 1990-е гг. привело к резкому сокращению военного контингента и переориентации города на обслуживание границы, пограничных переходов и торговых потоков с Китаем. В результате Забайкальск – некогда небольшой, закрытый военный поселок – стал крупнейшим сухопутным пунктом пропуска на китайско-российской границе, через который ежегодно проходит более миллиона человек и около 60% товарного потока между Россией и Китаем, важным узлом перевалки контейнерных грузов и круглого леса.

Периферийность, ограниченность экономического развития и негативные демографические процессы делают жизнь каждого из этих городов сильно зависимой от внешних импульсов, в том числе от изменения межгосударственных отношений, соседства и трансграничных взаимодействий.

Методы исследования

Исследование проводилось на основе разнообразных источников информации и с применением различных методов анализа. С одной стороны, мы использовали документы территориального развития и официальные данные (например, пограничная, экономическая и демографическая статистика); с другой стороны, мы опирались на интервью с местными и региональными экспертами, полевые наблюдения и открытые групповые дискуссии.

Фокус-группы мы рассматривали в качестве наиболее релевантного метода сбора и анализа информации о жизни местных сообществ в силу его гибкости и адаптивности как с точки зрения состава групп, так и с точки зрения нестандартных условий коммуникации. В период с осени 2017 г. по весну 2018 г. проведено 13 фокус-групп: четыре в Джанкое, пять в Троицке и по двое в Армянске и Забайкальске. Количество групп в каждом населенном пункте варьировалось в зависимости от численности населения и поли/монофункциональности городов. Первоначальным условием отбора участников была ориентация на наиболее репрезентативные группы городского населения, а не только на те, кто участвует в трансграничной деятельности. Больше внимание было уделено доминирующим когортам среди экономически активной части населения в возрасте 30–50 лет.

Поиск людей для групповых дискуссий осуществлялся профессиональными рекрутерами. Отбор конкретных участников фокус-групп проводился на следующем этапе по предложенным критериям: возраст, профессиональная деятельность и этническая самоидентификация. Во все фокус-группы вошли представители этнических меньшинств, которые играют значимую роль в жизни рассматриваемых городов.

Состав фокус-групп получился следующим: в Армянске – служащие крупных предприятий и местные предприниматели; в Джанкое – работники бюджетной сферы, местные предприниматели и смешанная группа из местных украинцев и крымских татар; в Троицке – работники бюджетной сферы, пенсионеры, местные предприниматели, рабочие и управляющий персонал промышленных предприятий; в Забайкальске – работники бюджетной сферы и местные предприниматели. Все групповые дискуссии проводились с использованием единого, но гибкого сценария (гайда), включавшего следующие темы: образы России и соседнего государства, текущие отношения между государствами, трансграничные практики и мобильность, взаимодействие людей в многонациональной среде и за границей, восприятие границы, благосостояние и специфика повседневной жизни. Активно использовались проективные социологические техники, в том числе стандартные методы ассоциаций, комбинаций, метафоризации, семантической атрибуции и т.д.¹

Кроме того, во всех исследуемых городах было проведено более 40 глубинных интервью с местными и региональными экспертами, представителями органов власти, бизнеса, науки и образования, сотрудниками государственных и общественных организаций, СМИ, музеев. Интервью проводились по заранее подготовленному гайду, включавшего порядка 30 вопросов, объединенных в четыре основных взаимосвязанных блока: 1) взаимодействия и сотрудничество с соседним государством и их динамика; 2) влияние границы и ее режима на жизнь города; 3) трансграничные практики и их динамика с советского периода; 4) восприятие соседей.

Результаты и их обсуждение

По мнению Д. Ньюмена и А. Пааси, государственные границы одновременно являются символами социальных институтов и властных отношений [15]. Для приграничья, по-видимому, это может означать наличие конкуренции между разнообразными дискурсами о границе и соседстве, формируемыми сверху и на низовом уровне. Если первые конструируются преимущественно посредством социализации, освещения межгосударственных отношений и управления общественным мнением, то вторые – в процессе повседневных приграничных практик [11].

Образы соседей. Проведенные фокус-группы подтверждают сказанное и показывают, что представления людей о соседнем государстве встраиваются в два фрейма. С одной стороны, оно ассоциируется с «государством и властью», к которым жители приграничья испытывают разные, но по большей части негативные чувства – от недоверия до ненависти и страха. С другой стороны, соседнее государство для них – это «страна и люди», к которым они испытывают положительные эмоции, симпатию и доверие.

Из содержания дискуссий, звучавших мнений и аргументаций следовало, что отношение к первой категории во многом конституируется влиятельными медиа-дискурсами, а отношение ко второй формируется в опыте взаимодействия с соседями. Так, в Северном Крыму Украина воспринимается враждебным и угрожающим государством со многими внутренними проблемами и плохой международной репутацией. В Троицке считают, что Казахстан – дружественная России страна, но страдающая от этнического национализма, поскольку там регулярно нарушаются права русскоязычных граждан. В Забайкальске отношение к Китаю двоякое. С одной стороны, его воспринимают сильным партнером, с другой – он внушает опасения и недоверия, что соответствует общей настроенности и скептицизму в СМИ к взаимодействию России с Китаем [5].

¹ Авторы выражают глубокую благодарность А.Г. Левинсону (Аналитический центра Юрия Левады) за методические рекомендации при подготовке гайда и проведение фокус-групп в Забайкальске и Троицке, а также О.И. Вендиной (Институт географии РАН), принимавшей в исследовании непосредственное участие.

Экономическая, социальная и политическая география

Зотова М.В., Гриценко А.А.

В отличие от неоднозначного отношения к соседним государствам, к реальным людям, живущим по ту сторону границы, люди относятся совсем по-иному, в том числе благодаря регулярным трансграничным практикам и взаимодействиям [4]. На новых постсоветских границах сложились особые отношения, заложенные во время проживания в едином государстве, где использовался русский язык, способствовавший этнокультурным обменам и взаимовлиянию, где пропагандировались общие ценности, возникали с обеих сторон от нынешней границы смешанные браки и формировались двойственные формы идентичности. Семейные узы, профессиональные связи и дружеские отношения между людьми из соседних регионов сохранились и по сей день. Они позволяют легко общаться и без трудностей понимать друг друга.

Тестовые задания и абстрактные диалоги, в которых участники дискуссий характеризовали ключевые этнические группы, показали, что крымчане практически не различают русских и украинцев. Общими были мнения: «никто здесь не задается вопросом, кто украинец, а кто русский», «мы не различаем русских и украинцев, мы живем все вместе», «нет никакой разницы, мы одинаковые».

Таблица 1

Характеристики, приписываемые русским и казахам в Троицке
Characteristics attributed to the Russians and Kazakhs in Troitsk

Положительная		Отрицательная	
Казахи	Русские	Казахи	Русские
Душевные (2)	Душевные (2)	Отсталые (2)	Отсталые (2)
Культурные (3)	Культурные	Высокомерные (2)	Высокомерные
Открытые	Открытые (3)	Злые	Злые (2)
Миролюбивые (3)	Миролюбивые (2)	Скрытные	Скрытные
Почтительные к старшим (2)	Почтительные к старшим	Глупые	Глупые (3)
Простые	Простые (2)	Ленивые	Ленивые (2)
Смелые	Смелые (4)	Трусливые	Трусливые
Традиционные	Традиционные	Властолюбивые	Непатриотичные (2)
Трудолюбивые	Трудолюбивые		Пассивные (2)
Умные	Умные (3)		
Щедрые	Щедрые (2)		
Рациональные	Рациональные		
Воспитанные (2)	Добрые (4)		
Гостеприимные (2)	Патриотичные (4)		
	Передовые (4)		

Примечание: цифра в скобках показывает число ответов, данных участниками фокус-групп в ходе СЕМАТ теста

Таблица 2

Характеристики, приписываемые китайцам в Забайкальске
Characteristics attributed to the Chinese in Zabaikalsk

Положительная	Отрицательная
Трудолюбивые (2)	Высокомерные
Энергичные	Злые
Рациональные	Глупые
Миролюбивые	Скрытные
	Трусливые

Примечание: цифра в скобках показывает число ответов, данных участниками фокус-групп в ходе СЕМАТ теста

На границе с Казахстаном люди также с трудом проводят различие между россиянами и жителями Казахстана. В Троицке казахам приписывали многие качества, которые они считают «своими» (табл. 1). Участники фокус-групп признавались также, что во многих случаях не

Экономическая, социальная и политическая география

Зотова М.В., Гриценко А.А.

могут определить тех, кто приехал в город из ближайших районов Казахстана. В то же время они ощущают некоторые отличия от жителей других регионов России и даже других регионов своего региона (Южного Крыма в Армянске и Джанкое; севера Челябинской области в Троицке; Читы в Забайкальске). Местные жители отмечали, что трудности взаимопонимания возникают только во взаимодействиях с мигрантами из стран Южного Кавказа и Центральной Азии. Им обычно приписывали отрицательные характеристики как «чужим», которые несут с собой потенциальную угрозу. В Крыму роль «чужих» часто примеряют на крымских татар, а в Троицке и Забайкальске – на азербайджанцев, узбеков и таджиков. Во всех городах характеристики русских полностью совпали с самооценками, которые регулярно получают ведущие российские социологические агентства в ходе массовых опросов населения.

На российско-китайской границе ситуация выглядит иначе. Несмотря на регулярные контакты местных жителей с гражданами Китая во время трансграничных поездок и челночной торговли, они остаются малоизвестными и рассматриваются в качестве «других». Об этом говорит небольшой перечень характеристик, приписываемый китайцам в Забайкальске (табл. 2). Непосредственный опыт знакомства с Китаем и ее культурой не компенсирует забайкальцам поверхностных знаний о них, а использование локального пиджина – незнание китайского языка. Если существующего уровня коммуникации оказывается достаточно для совершения покупок и получения услуг на другой стороне границы, то его абсолютно не хватает для подлинного понимания китайских соседей. Ограниченные представления о социальных нормах, ценностях и символических системах друг друга в приграничье по-прежнему сдерживают развитие низовых отношений, связанных с ростом доверия и социальной интеграцией между гражданами России и Китая.

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Что произойдет, если границу полностью открыть/закрыть?»
Answers to the question: 'What will happen if the border is completely opened/closed?'

Город	«Если границу полностью открыть»	«Если границу полностью закрыть»
Армянск	«Если они [определенные граждане Украины] найдут сюда, это будет хуже, чем в Донецке» ¹	«Это недопустимо. Озлобленность пойдет. У нас родственные связи. Мы ж завязаны».
Джанкой	«Будет бардак, беспредел»; «С Украины попрут, это приведет к большому кровопролитию. Тут половине головы пооткручивают»	«Это невозможно. Не увидим близких»; «Неправильно. Там остались родственники, друзья»; «У нас просто связи тесные с Украиной. Именно с людьми»
Троицк	«Граница нужна, потому что неизвестно, что будет завтра, что может случиться»; «Все равно надо держать порох сухим. Нельзя открывать полностью»; «Ну, да. Казахстан, конечно, ну, это тоже... как повернется, да. Сегодня друзья, а завтра... С Украиной тоже вон как получилось...»	«Нельзя ни в коем случае. Нужно общаться», «Страшно, у нас же семьи, там родственники». «Нельзя от себя отталкивать. Да, семьи, и казахи, и русские»
Забайкальск	«Все китайцы пойдут сюда. Они всю землю нашу заберут»; «А если границы не будет вообще здесь уже русских не будет не найдешь. Все китайцы будут»	«Закройте границу - и сразу никого не будет... Из-за этого здесь и живут»; «Нам нужна граница, чтобы выживать»

¹ Здесь и дальше приводятся высказывания, которые находили общее одобрение в ходе групповых дискуссий.

Восприятие границы и ее режима. Двойственное восприятие соседних стран как «государства и власти» и «страны и людей» отражается и в противоречивом отношении местных жителей к границам и их режиму.

Участникам фокус-групп задавался вопрос: «Что произойдет, если границу полностью открыть/закрыть?» (табл. 3). В ответах все подчеркивали, что граница с соседней страной необходима, даже если сейчас отношения с ней кажутся дружественными, поскольку она обеспечивает мир и стабильность, защищает от негативных влияний извне (наркотрафик, контрабанда и т.д.). Сама же граница воспринимается как символ государства и защита от «хаоса» и «беспорядка», а также как гарантия личной безопасности. Вместе с тем, представления о порядке и социальном благополучии участники дискуссий соединяли с возможным ограничительным режимом границы. Никто из них даже не мог себе представить полного закрытия границы, которое нарушило бы привычный ритм повседневной жизни, связанный с поддержанием родственных и дружеских связей, трансграничными практиками, таким как туризм, шопинг, досуг, работа, лечение, образование и другими, которые получили распространение благодаря территориальной близости к соседней стране и ее рынкам. Таким образом, если реакция местных жителей на гипотетическое полное открытие границы объясняет их восприятие ее основной функции как обеспечение государственной стабильности и безопасности, то реакция на вариант полного закрытия границ отражает понимание ее социальной функции, учитывая уровень развития отношений с соседями посредством родственных связей и прагматических соображений.

В жизни населения Армянска и Джанкоя сегодня ключевую роль играют защитные функции границы, обеспечивающие личную безопасность, а неудобства, вызываемые ее режимом, связываются только с затруднением контактов с родственниками. В Троицке граница воспринимается преимущественно как дополнительное препятствие, накладывающее заметные ограничения на повседневную жизнь (рыбалка или посещение могил родственников в приграничной полосе). В случае Забайкальска текущий баланс барьерных и контактных функций границы обеспечивает местным жителям защиту и помогает им «выжить». Такая дифференциация мнений свидетельствуют о том, что различия в характере соседства и отношениях между странами определяют текущие потребности населения, изменяющие значение ключевых функций государственной границы.

Специфика пересечения границ. Оспариваемый статус новой международной границы существенно затруднил сообщение Крыма с Украиной. Почти все регулярные рейсы между ними отменены. По словам участников фокус-групп, пересечение границы вызвало много неудобств: огромные очереди, длительные ожидания, дотошные и унижительные проверки документов и багажа, запреты на провоз продуктов питания. Кроме того, люди боятся быть задержанными на границе, арестованными или депортированными. По этой причине они значительно сократили интенсивность своих поездок на Украину, пересекая ее только для встречи с родственниками, отношения с которыми стали более напряженными и менее доверительными. По официальным данным, число пересечений границы на севере Крыма (через пункты пропуска Каланчак, Чаплинка и Чонгар) постоянно сокращается. За период с 2014 по 2017 г. поток людей уменьшился с 3,6 до 2,5 млн чел.

Пересечение российско-казахстанской границы осложнено в основном плохо обустроенными и перегруженными пунктами пропуска, утомительными проверками на границе, которые приводят к образованию очередей и длительному прохождению границы. Хотя Троицк ежедневно связывают с Кустанаем, Житикарой и Рудным шесть автобусов и два поезда, местные жители предпочитают ездить в соседнее государство на машине. Именно поэтому необходимость оформления страховки на личные автомобили они рассматривают в качестве дополнительной трудности. Среди самых популярных причин поездок на другую сторону границы – посещение родственников и друзей, диверсификация потребления и

экономию при покупке товаров (колбаса, сладости, водка и др.), которые в Казахстане дешевле. Ежегодно границу в Троицке пересекают более двух миллионов человек, причем четверть из них – граждане Казахстана, приезжающие в город работать и учиться.

Российско-китайская граница открылась для передвижения людей в начале 1990-х гг. Тогда желающим посетить соседнюю страну необходимо было получать визу в консульствах Китая. Ближайшее консульство к Забайкальску располагается в Хабаровске. Ситуация заметно изменилась в начале 2000-х, когда китайская сторона запустила ряд программ по развитию своих северных приграничных территорий и заключила с Россией соглашение о безвизовых групповых туристических поездках. С этого времени россияне стали посещать Китай в безвизовом режиме в составе группы от 5 до 50 чел. при предъявлении загранпаспорта. Либерализация режима пересечения границы придала новый импульс челночному бизнесу и обусловила развитие приграничного туризма. Массовый спрос на дешевые китайские товары в России способствовал активному развитию челночной торговли и резкому увеличению передвижению потока людей и товаров через границу. К 2016 г. поток через автомобильный и железнодорожный пункты пропуска достиг 1,85 млн чел., благодаря запуску между Забайкальском и соседним городом Маньчжурия (Маньчжоули) более 10 рейсовых автобусов в сутки.

Ресурсы границы. Кроме существенных ограничений границы дают приграничным городам и местному сообществу определенные ресурсы к развитию, которые, однако, не сразу артикулируются [6].

Так, в Крыму негативные последствия появления границы и перехода под российскую юрисдикцию (разрыв внешнеэкономических связей, перераспределение собственности, нестабильность работы местных предприятий, санкции и т.д.) частично компенсировались, например, снижением экономической конкуренции на местном рынке за счет исчезновения украинских продуктов и дистрибьюторов, что позволило местным хозяйствам выйти из тени, легализоваться и интенсифицировать производство. Российские социально-экономические трансферты привели к росту инфраструктурных инвестиций, заработной платы, пенсий и социальных выплат. Размещение российских военных частей, таможенных и пограничных служб обеспечили новые рабочие места, а также спрос на жилье, товары и услуги более высокого качества, которых ранее не было в Армянске и Джанкое. Несмотря на трудности, с которыми столкнулись крымчане после событий 2014 г., они ощутили также заметные позитивные изменения. В украинский период Крым недополучал инвестиций в инфраструктуру и находился на периферии внимания украинских властей.

Ситуация на российско-казахстанской границе воспринимается менее позитивно. Экономический кризис и установление государственной границы в 1990-е гг. обусловили разрыв промышленных и кооперационных связей с Северным Казахстаном, что привело к закрытию в Троицке восьми крупных предприятий и изменению функций города. Появление таможенных и пограничных служб, наряду с трансграничной торговлей и контрабандой, лишь частично смогло компенсировать местным жителям потерю работы и падение доходов. Интеграционные инициативы в рамках ЕАЭС, в том числе создание единого рынка труда, однако, пока не привели к лучшим изменениям. Напротив, некоторые пограничные службы (например, таможенные посты) были упразднены. Незначительный разрыв в уровне жизни и ценах не стимулировал росту ни трансграничной мобильности, ни челночной торговли. Несмотря на это Троицк, сохранив часть центральных функций, продолжает принимать граждан Казахстана, преимущественно русских, ищущих место для жизни, работы и получения образования.

В свою очередь, открытие российско-китайской границы сопровождалось демилитаризацией приграничных районов, сжатием их социально-экономической базы и, как следствие, оттоком населения. Однако компенсаторное развитие челночной торговли и

увеличение потока китайских товаров по КВЖД изменило ситуацию. В Забайкальске потребовались специалисты для обслуживания трансграничных потоков (сотрудники таможенных и пограничных служб, железнодорожники и др.), а также люди, для перевозки китайских товаров разрешенными партиями (феномен «кэмелов», «фонарей» и «кирпичей» [3]). На фоне стремительно ухудшающегося положения в близлежащих районах поселок стал превращаться для них в центр относительного благополучия. В итоге, сегодня большая часть местного населения вовлечена в челночную торговлю и в обслуживание потока людей и товаров через границу, с целью получения дополнительных доходов. Частые поездки в Маньчжурию стали для жителей Забайкальска уже привычной рутинной, связанной не только с возможностью заработка, но и с отдыхом, шопингом и досугом.

Риски и перспективы жизни у границы. Как видно, границы и соседство способны не только лимитировать, но и стимулировать связанные с ними практики, оказывая прямое и косвенное воздействие на развитие малых приграничных городов. Возможности, которые появляются вблизи границы, однако, не отменяют наличия определенных рисков и издержек для хозяйства и населения. Они накладываются на текущую социально-экономическую ситуацию, и вместе с тем принимаются населением в расчете для определения жизненных стратегий и планирования будущего своих детей. На фоне накопленных экономических проблем и социальной нестабильности приграничное положение может рассматриваться и благом, внушающим надежды, и отягощающим обстоятельством, тормозящим развитие. Соседство может иметь позитивные и негативные эффекты, восприниматься хорошим или плохим в контексте потенциальных возможностей или опасностей и рисков. Результирующая сказывается на поведении людей и их отношении к месту своего проживания.

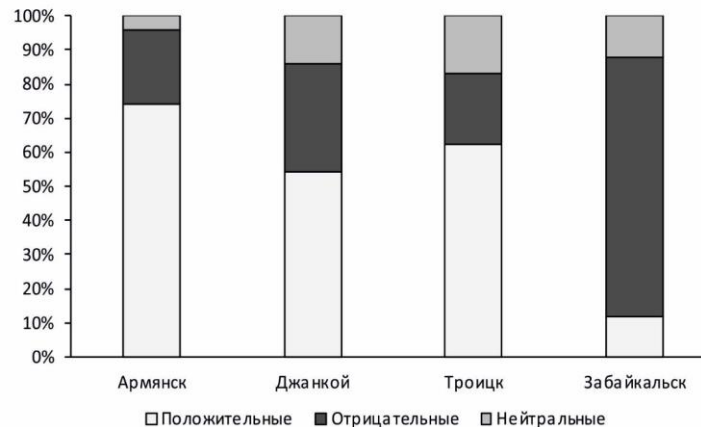

Рис. 1. Характеристики, приписанные своим городам участниками фокус-групп

Fig. 1. Characteristics attributed by focus group participants to their towns

Во время интервью и фокус-групп наши информанты обращали особое внимание на многочисленные проблемы своих городов, среди которых упоминали отсутствие работы, низкие доходы и бедность, низкое качество медицинских услуг, неэффективность городского управления и коррупцию. В Армянске, Джанкое и Троицке жители были обеспокоены ростом периферийности своего города и закрытием промышленных предприятий. В то же время в Крыму мы также довольно часто слышали о позитивных изменениях, вызванных новыми трендами развития в контексте российской поддержки. Семантические тесты, используемые нами для выявления ассоциаций со своим городом (рис. 1), показали, что вышеуказанные проблемы хорошо соотносятся с избытком негативных определений (например, «неразвивающийся», «деградирующий», «стареющий», «умирающий», «застойный» и т.п.).

Экономическая, социальная и политическая география
Зотова М.В., Гриценко А.А.

Большинство положительных характеристик (например, «родной», «зеленый», «хороший», «привычный», «исторический», «красивый», «старинный» и т.п.), особенно в Троицке, отражают проявления местного патриотизма и привлекательность городского ландшафта.

Доминирование негативных характеристик, приписываемых Забайкальску, по-видимому, связано со значительными контрастами через границу и постоянным сравнением своего города с соседней Маньчжурией. Если последний за 25 лет из небольшого поселка превратился в динамичный, успешный город с населением почти 300 тыс. чел., развитыми системами коммуникации, небоскребами и ночным освещением, то Забайкальск остался небольшим обветшалым поселком, отделенным от региональной столицы на 500 км малоосвоенной территории. Такое преимущественно негативное восприятие собственного города, расположенного на периферии, вдали от экономически развитых центров, коррелирует с массовым отъездом молодых активных людей в поисках лучшей жизни. Здесь важно подчеркнуть, что главными направлениями миграции остаются крупные российские города, но не Китай. Такой выбор косвенно подтверждается позитивным восприятием России (рис. 2), основанным на государственническом патриотизме и эмоциональной привязанности к родине.

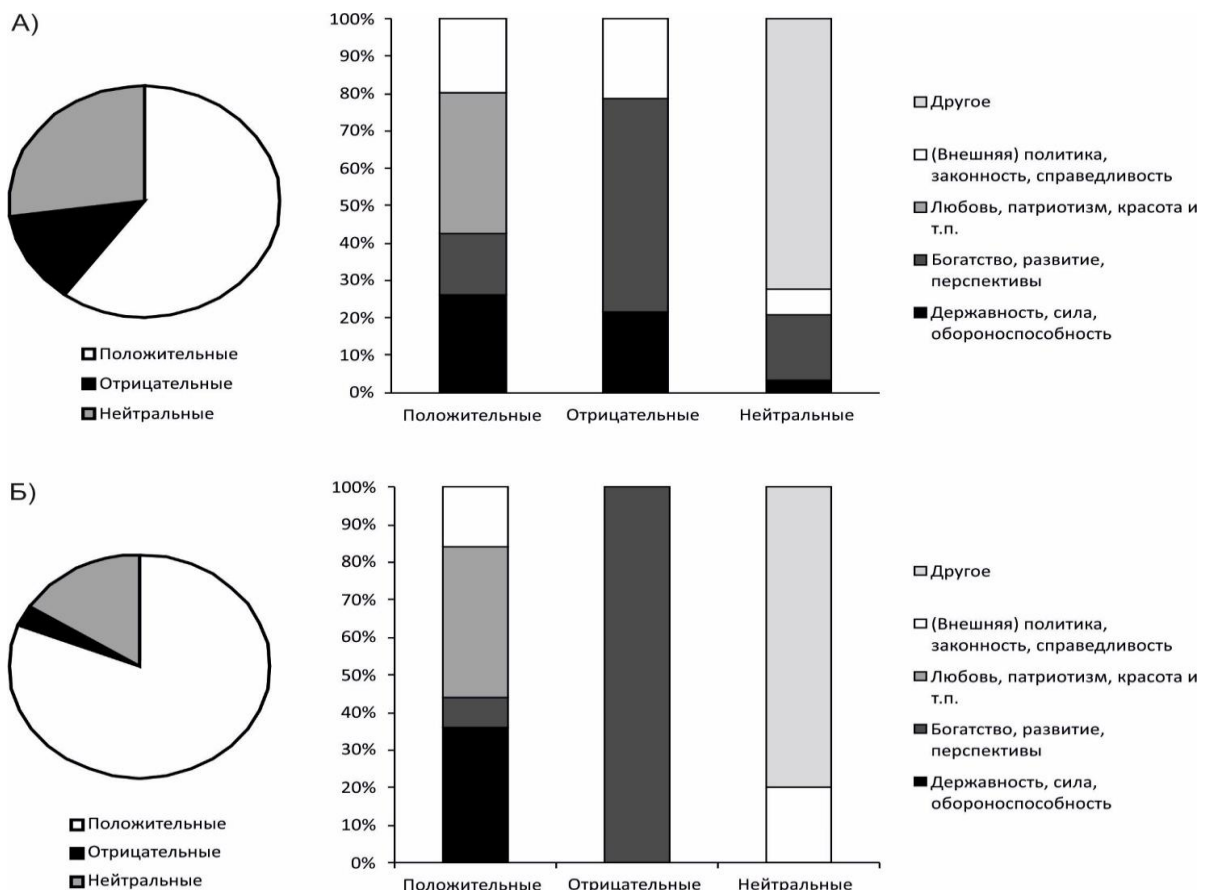

Рис. 2. Характеристики, приписанные России участниками фокус-групп: А): Троицк; Б) Забайкальск. Примечание: в столбцах диаграммы характеристики тематически сгруппированы

Fig. 2. Characteristics attributed to Russia by focus group participants in: А) Troitsk; Б) Zabaikalsk.

Note: the columns of the chart thematically group epithets

Использование проективных методов подтвердило известный тезис об особом отношении жителей приграничных городов и районов к своей стране, которое обычно связывается с «краевым эффектом» и фиксируется в преобладании национально-государственной составляющей в структуре идентичности населения. Негативный образ своего города контрастирует с идеализированным образом России. Несовпадение образов и

определенный крен их структуры в сторону политики и обороноспособности можно интерпретировать отражением социальной незащищенности и уязвимости населения, ощущением трансграничных угроз личной безопасности и/или коллективной идентичности. В эту концептуальную рамку также «укладываются» страхи [2; 7] и надежды, которые испытывали участники фокус-групп. В исследуемых городах жители больше всего боятся потерять своих родственников, заболеть, остаться без работы, ухудшения отношений с соседней страной и войны. При этом люди уверены, что «государство и власть» несут исключительную ответственность за развитие отдаленных приграничных территорий. Свое присутствие на границе жители городов воспринимают как средство защиты государства от территориальных притязаний своих соседей. Свои надежды поэтому они возлагают на власти, которые, по их мнению, должны обеспечить им достойный уровень жизни, чтобы компенсировать бремя охраны государственной границы и снизить риски, связанные с проживанием в приграничье на периферии.

Выводы

Исследование, проведенное на различных участках российской границы, позволяет сопоставить трансграничные отношения и взаимодействия на местном уровне, выявить особенности восприятия соседей на границах с различным режимом, глубже понять их влияние на повседневную жизнь и благосостояние людей в условиях дефицита локального развития. Исследование городов на границе дает представление о связях различных форм и ощущений «близости» и «дистанции», основанных на «(не)знакомости», «(не)сходстве» и «(не)связности», с национальным соседством, которое отражает геополитическую ситуацию, уровень сотрудничества и отношений между соседними странами, трансграничные социально-экономические контрасты. Столь громоздкое теоретическое построение помогает приблизить нас к пониманию взаимного переплетения политики государства и повседневной рутины простых людей, а также вызовов, которые создает территориальность государственных границ и властных отношений.

Российская действительность часто идет вразрез со многими теоретическими конструкциями. Так, на российско-китайской границе значительные различия не сдерживают интенсивные трансграничные взаимодействия, но китайская среда продолжает оставаться чуждой, несмотря на наличие русскоязычных вывесок, широкое использование пиджина и интенсивные взаимодействия при трансграничной челночной торговле. Россияне по-прежнему не чувствуют себя комфортно в Китае. Регулярное пересечение границы и участие в челночной торговле для многих жителей приграничных городов становится одним из немногих способов выжить при отсутствии других возможностей для получения средств к существованию. Несмотря на многочисленные случаи мошенничества или обмана со стороны китайских дилеров, жители соседних территорий продолжают ездить в Китай в поисках заработка. Из-за существенных различий в культуре, образе жизни и поведении китайцы, даже те, которые уже длительное время проживают на российской территории, все равно остаются в Забайкальске «чужими».

Концепция социальной дифференциации, «инаковости» и «чуждости» также применима для Северного Крыма, где несмотря на новые тенденции, отношение к людям по ту сторону границы остается доброжелательным, а соседи по-прежнему воспринимаются как «свои».

В то же время на границе с Казахстаном разнонаправленность процессов национально-государственного строительства, большие расстояния при низкой плотности экономической активности и снижении интенсивности контактов стимулируют развитие чувства «инаковости» и формирование отношения к соседям-казахам как к «другим». Таким образом, институциональная и социальная близость на границе с Казахстаном не является ни необходимой, ни достаточной для углубления трансграничного сотрудничества.

Экономическая, социальная и политическая география
Зотова М.В., Гриценко А.А.

Несмотря на множество объективных различий между участками российских границ, их субъективное восприятие людьми и социальные представления делают их очень похожими. Вопреки близости границы и осознанию людьми этого факта города воспринимаются местным населением, прежде всего, в качестве «места жизни». Создаваемые границей проблемы поэтому считаются второстепенными по сравнению со стагнацией городского развития. Тем не менее близость границы и территориальная удаленность от экономических центров обостряют чувство фрустрации, одиночества и брошенности, неуверенности в будущем, стимулируют пассивное сопротивление обстоятельствам и патернализм.

Местное население «перекладывает» ответственность за свое благополучие на правительство, поскольку считает, что государство обязано обеспечить им достойную жизнь за их важную роль защитников государственной границы. Люди надеются, что российское правительство разработает сбалансированную и комплексную пограничную политику, и в результате которой приграничные территории получат особый статус. В нынешней же социально-экономической ситуации, когда правительство не обеспечивает «должного» уровня жизни, местное население использует, по мере возможности, ресурсы, предоставляемые границей и соседним государством. Именно поэтому потенциальное закрытие границы воспринимается локальным сообществом крайне негативно, поскольку исчезнет последняя возможность существовать в периферийном и приграничном городе. В этом случае незнакомость, чуждость и другие заметные различия между соседними территориями не препятствуют трансграничным практикам, так как именно они позволяют местным жителям выживать.

Благодарности. Статья выполнена в рамках ГЗ ИГ РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» №0148-2019-0008, №АААА-А19-119022190170-1.

Acknowledgements. The research was supported by State Assignment IGRAS "Problems and prospects of the territorial development of Russia in the conditions of its unevenness and global instability" No. 0148-2019-0008, No. АААА-А19-119022190170-1.

Библиографический список

1. Вендина О.И., Колосов В.А. Партнерство в обход барьеров // Россия в глобальной политике. 2007. №1. С. 142–154.
2. Гудков Л.Д. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 6(44). С. 46–53.
3. Журавская Т.Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. Т. 12. № 5. С. 54–71.
4. Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 56–77.
5. Колосов В.А., Зотова М.В. Китай и российско-китайские отношения в зеркале российского дискурса // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 281–309.
6. Российское пограничье: вызовы соседства. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.
7. Страхи. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/28/strahi-2/> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Andsager J., Drzewicka J.A. Desirability of differences in destinations // Annals of Tourism Research. 2002. № 29(2). Pp. 401–421.
9. Brambilla C. Exploring the critical potential of the borderscapes concept // Geopolitics. 2015 № 1. Pp. 14–34.
10. Dolińska K., Niedźwiecka-Iwańczak N. German neighbours from across the river – Insiders? Strangers? Others? // Social Studies. 2017. № 1. Pp. 95–116.
11. Domaniewski S., Studzińska D. The small border traffic zone between Poland and Kaliningrad region (Russia): The impact of a local visa-free border regime // Geopolitics. 2016. № 21(3). Pp. 538–555.
12. Houtum van H. The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 1999. № 10(4). Pp. 672–679.

Экономическая, социальная и политическая география
Зотова М.В., Гриценко А.А.

13. Koch K. The spatiality of trust in EU external cross-border cooperation // *European Planning Studies*. 2018. № 26(3). Pp. 591–610.
14. Kozera B. “Stranger” and “Insider”. Three reflections of an uninstrumental reason // *Others insiders. Studies on ethnic issues*. Katowice, 1999. Pp. 39–48.
15. Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography // *Progress in Human Geography*. 1998. № 22 (2). Pp. 186–207.
16. Rippl, S., Petrat, A., Kindervater, A., Boehnke, K. Transnational social capital: Are border regions a laboratory of social integration in Europe? // *Berliner Journal für Soziologie*. 2009. № 19. Pp. 79–103.
17. Scott J. W., Celata F., Coletti R. Bordering imaginaries and the everyday construction of the Mediterranean neighbourhood // *European Urban and Regional Studies*. 2019. № 26(1). Pp. 3–8.
18. Spierings B., Velde van der M. Cross-Border Differences and Unfamiliarity: Shopping Mobility in the Dutch-German Rhine-Waal Euroregion // *European Planning Studies*. 2013. № 1. Pp. 5–23.
19. Szytniewski B., Spierings B. Encounters with Otherness: Implications of (Un) familiarity for Daily Life in Borderlands // *Journal of Borderlands Studies*. 2014. № 29(3). Pp. 339–351.
20. Szytniewski B., Spierings B., Velde van der M. Socio-cultural proximity, daily life and shopping tourism in the Dutch-German border region // *Tourism Geographies*. 2017. № 19(1). Pp. 63–77.
21. Torre A., Rallet A. Proximity and localization // *Regional Studies*. 2005. № 39(1). Pp. 47–59.
22. Velde van der M., Spierings B. Cross border shopping and the “bandwidth of familiarity”: exploring the positive impact of national borders on consumer mobility in the Euregion Rhine. Nijmegen, Nijmegen School of Management, 2008. 345 p.

References

1. Vendina O.I. and Kolosov V.A. (2007), “Partnership to bypass barriers”, *Russia in global politics*, no. 1, pp. 142–154.
2. Gudkov L. (1999), “Fear as a frame of comprehension”, *Monitoring public opinion*, 1999, no. 6 (44), pp. 46–53.
3. Zhuravskaya T. N. (2011), “Grey” import on the Russian-Chinese border: what's new? *Economic sociology*, vol. 12, no. 5, pp. 54–71.
4. Zotova M., Gritsenko A. and Sebentsov A. (2018), “Everyday Life in the Russian Borderlands: the motives and determinants of cross-border practices”, *Mir Rossii*, no. 4, pp. 56–77.
5. Kolosov V.A. and Zotova M.V. (2019), “China and Russian-Chinese relations in the mirror of Russian discourse”, *Problems of Geography*, no. 148, pp. 281–308.
6. Kolosov V. (ed.) (2018), *Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva* [Russian Borderland: Challenges of Neighbourhood], Moscow, 562 p.
7. The official site of Levada Center (2015), “Fears”, available at: <https://www.levada.ru/2017/11/28/strahi-2/> (Accessed 20 December 2019).
8. Andsager J., Drzewicka J.A. (2002), “Desirability of differences in destinations”, *Annals of Tourism Research*, no. 29(2), pp. 401–421.
9. Brambilla C. (2015), “Exploring the critical potential of the borderscapes concept”, *Geopolitics*, no. 1, pp. 14–34.
10. Dolińska K. and Niedźwiecka-Iwańczak N. (2017), “German neighbours from across the river – Insiders? Strangers? Others?” *Social Studies*, no. 1, pp. 95–116.
11. Domaniewski S. and Studzińska D. (2016), “The small border traffic zone between Poland and Kaliningrad region (Russia): The impact of a local visa-free border regime”, *Geopolitics*, no. 21 (3), pp. 538–555.
12. Houtum H. van (1999), “The Geopolitics of Borders and Boundaries”, *Geopolitics* no. 10 (4), pp. 672–679.
13. Koch K (2018), “The spatiality of trust in EU external cross-border cooperation”, *European Planning Studies*, 26 (3), pp. 591–610.
14. Kozera B. (1999), “Stranger” and “Insider”. Three reflections of an uninstrumental reason”, *Others insiders. Studies on ethnic issues*, Katowice, pp. 39–48.
15. Newman D. and Paasi A. (1998), “Fences and neighbours in the postmodern world: boundary narratives in political geography”, *Progress in Human Geography*, no. 22 (2), pp. 186–207.

Экономическая, социальная и политическая география

Зотова М.В., Гриценко А.А.

16. Rippl, S., Petrat, A., Kindervater, A. and Boehnke, K. (2009), "Transnational social capital: Are border regions a laboratory of social integration in Europe?" *Berliner Journal für Soziologie*, no. 19, pp. 79–103.
17. Scott J. W., Celata F., Coletti R. (2019), "Bordering imaginaries and the everyday construction of the Mediterranean neighbourhood, *European Urban and Regional Studies*", no. 26 (1), pp. 3–8.
18. Spierings B. and Velde M. van der (2013), "Cross-Border Differences and Unfamiliarity: Shopping Mobility in the Dutch-German Rhine-Waal Euroregion", *European Planning Studies*, no. 1, pp. 5–23.
19. Szytniewski B. and Spierings B. (2014), "Encounters with Otherness: Implications of (Un) familiarity for Daily Life in Borderlands", *Journal of Borderlands Studies*, no. 29 (3), pp. 339–351.
20. Szytniewski B., Spierings B. and Velde M. van der (2017), "Socio-cultural proximity, daily life and shopping tourism in the Dutch-German border region", *Tourism Geographies*, no. 19 (1), pp. 63–77.
21. Torre, A. and Rallet, A. (2005), "Proximity and localization", *Regional Studies*, no. 39 (1), pp. 47–59.
22. Velde B. and van der Spierings B. (2008), *Cross border shopping and the "bandwidth of familiarity": exploring the positive impact of national borders on consumer mobility in the Euregion Rhine*, Nijmegen, Nijmegen School of Management, 345 p.

Поступила в редакцию: 30.03.2020

Сведения об авторах**Мария Владимировна Зотова**

кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН;
Россия, 119017, г. Москва,
Старомонетный пер., д. 29

About the authors**Maria V. Zotova**

Candidate of Geographical Sciences, Senior
Researcher, Institute of Geography RAS;
29, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017, Russia

e-mail: zotova@igras.ru

Антон Алексеевич Гриценко

кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН;
Россия, 119017, г. Москва,
Старомонетный пер., д. 29

Anton A. Gritsenko

Candidate of Geographical Sciences, Senior
Researcher, Institute of Geography RAS;
29, Staromonetnyi pereulok, Moscow, 119017, Russia

e-mail: antgritsenko@igras.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зотова М.В., Гриценко А.А. Границы, соседи и соседство в жизни малых городов на российских границах // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. №2(53). С. 75–90. doi 10.17072/2079-7877-2020-2-75-90.

Please cite this article in English as:

Zotova M.V., Gritsenko A.A. Borders, neighbours and neighbourhood in the life of small russian border towns // Geographical bulletin. 2020. №2(53). P. 75–90. doi 10.17072/2079-7877-2020-2-75-90.